

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

В. Н. Базылев
Москва, Россия

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ: НАЧАТЬ И УГЛУБИТЬ. МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ КАК ДИЕГЕТИЧЕСКИЙ НАРРАТОР

АННОТАЦИЯ. Статья продолжает серию примеров психополитического анализа автопортретов политиков советской эпохи. Предыдущие статьи автора были посвящены таким партийным и государственным деятелям, как Лазарь Каганович и Никита Хрущев, Леонид Брежнев и Эрих Хонеккер. Данная статья — это первая попытка автора обратиться в рамках исследовательской парадигмы политической лингвистики к анализу автобиографического нарратива М. С. Горбачева — последнего Генерального секретаря ЦК КПСС, первого и единственного Президента СССР (1990—1991). Цель исследования — показать стратегию чтения и понимания автобиографии политического лидера как коммуникативного ролевого акта, авторизирующего его (политика) самоосознание и саморепрезентацию. Создание автобиографического нарратива определяет главное: политический лидер выступает в истории страны как диегетический нарратор. Анализируются интенциональные речевые действия политика в рамках нарративной повествовательной стратегии с использованием интертекста, коллективного повествования и авторского текста. Исследование выполнено в парадигме современной нарратологии, которая интересуется текстом с точки зрения его фикциональности (вымышленности) и фактуальности (действительности), а также типами нарраторов (повествователей), образом автора. Материал исследования — нарративный контекст, который М. С. Горбачев создавал вокруг себя начиная с 1967 года.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: автобиография автобиографии политиков; автобиографический нарратив; политические деятели; политический дискурс; политическая лингвистика; лингвоперсоналогия; языковая личность; политические тексты; «новое мышление».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков им. Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.

Михаил Горбачев спрашивает у переводчика: «А как будет по-английски начать?» — «To begin», — отвечает переводчик^[1].

Советский анекдот 80-х гг. XX в.

Введение

Нарративный поворот — одно из важнейших явлений гуманитарной мысли рубежа XX—XXI вв., проявившееся во многих науках, от лингвистики и литературоведения до социологии и психологии. Нарратология интересуется текстом с точки зрения его фикциональности (вымышленность) и фактуальности (действительность), а также типами нарраторов (повествователей), иерархией повествовательных инстанций (реальный и абстрактный автор, нарратор, идеальный и конкретный читатель, образ читателя), образом автора (наделение повествователя или персонажа-повествователя личностными, биографически выверяемыми чертами с целью игры с читателем). Кроме того, интерес обращен к тому, как автор провоцирует читателя, играя на акцентировании вымышленности или, наоборот, достоверности повествуемой истории [Борисенкова 2010; Шмид 2008].

Нарративный поворот в лингвистическом изучении политического дискурса еще не произошел в полной мере, и это представляется нам несправедливым, поскольку использование теоретического аппарата нарратологии (лингвистической, риторической и т. д.) обладает очевидным потенциалом

для исследования такого рода текстов. Ведь для массового адресата политический лидер был и остается одним из главных «рассказчиков». И это не просто метафора. Чуть-чуть перефразируя Е. А. Ямбурга [Острова утопии 2015: 603], скажем: все значительные политики, оставившие свой след в истории, — великие сказочники. Все они так или иначе стремились сконструировать свой мир, в основе которого — гармония человеческих отношений, гармония человека и государства, гармония между государствами. Другое дело, что эту гармонию они представляли себе по-разному, в соответствии со своими убеждениями, духом и стилем переживаемой эпохи. Но свои утопии, в отличие от писателей или художников, они строят не на холсте или бумаге, где возможен свободный полет ничем не ограниченной фантазии, а в реальных, порой чрезвычайно жестких условиях дисгармоничного мира.

Биографическая справка

Михаил Сергеевич Горбачев (род. 2 марта 1931 г.) — советский и российский государственный, политический и общественный деятель. Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985—1991). Последний Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1988—1989). Первый председатель

© Базылев В. Н., 2018

Верховного Совета СССР (1989—1990). Первый и единственный Президент СССР (1990—1991) [Грачев 2001].

Материал к исследованию: Горбачев-нарратор в окружении своих текстов

Как и полагалось советскому политическому лидеру, к 1990 г. М. С. Горбачев удостоился публикации своего политического наследия — в семи томах вышли «Избранные речи и статьи». Таким образом, М. С. Горбачев активно начал создавать вокруг себя своеобразный нарративный контекст. Помимо названного семитомного собрания «выступлений и речей», которое начиналось с текстов 1967 г., он состоит из обширной серии интервью. От интервью газете «Совершенно секретно» в декабре 1991 г. до интервью газете «La Repubblica» в марте 2016 г. под заголовком «25 лет назад я пытался спасти СССР, но Ельцин меня предал» и серии бесед-интервью на радио «Свобода». За четверть века, прошедшие с момента его ухода с советского политического Олимпа, М. С. Горбачев напишет ряд автобиографических книг: «Декабрь-91. Моя позиция» (1992), «Годы трудных решений» (1993), «Жизнь и реформы» (1995), «Реформаторы не бывают счастливы» (1995), «Хочу предостеречь...» (1996), «Размышления о прошлом и будущем» (1998), «Наедине с собой» (2012), «Жизнь после Кремля» (2014), «Остаюсь оптимистом» (2017). Сегодня все это М. С. Горбачев собирает в единое многотомное собрание сочинений — на начало 2018 г. издано 27 томов. Свой исследовательский материал мы, однако, сознательно ограничиваем 1990 г., так как, во-первых, пишем о советском периоде нашей политической истории и о советском политическом дискурсе. Во-вторых, изменения дискурсивных практик в постсоветском лингвокультурном пространстве в целом приводят, естественно, к преобразованию дискурсивных практик даже тех политиков, которые, как М. С. Горбачев, формировались в советскую эпоху.

Автопортрет Михаила Горбачева как динамичная нарративная структура

Далее пойдет речь о портретном монологе, основанном на рассказе от лица героя. Как будет сказано в предисловии к «Избранным речам», «для читателя они ценны тем, что показывают, как формировался политический и теоретический стиль мышления автора, как складывались его подходы к назревшим общественным проблемам, к партийно-политической, экономической и идеологической работе» [Горбачев 1987, т.

1: 5].

Повествовательная природа большинства таких произведений очевидна, поскольку здесь имеется и нарратив, и нарратор. Автопортрет в данном случае допускает не столько статичное описание (дескриптивность), сколько динамику событий, т. е. динамичную нарративную структуру. В опубликованной статье 1978 г. «Передовой опыт — важный резерв» это уже проявляется со всей очевидностью. Напомним, что М. С. Горбачев с 1968 г. был вторым секретарем, а с 1970 по 1978 г. — первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

Ставрополье является районом самой высокой концентрации овец в стране... Край является крупнейшим в Российской Федерации поставщиком тонкой шерсти, одним из главных производителей баранины... Значение Ставрополья состоит еще и в том, что здесь выращиваются для распространения ценные породы тонкорунных племенных овец... В конце 60-х годов в развитии этой отрасли обнаружились довольно серьезные противоречия. Возмозности экстенсивного развития овцеводства к этому времени были практически исчерпаны, особенно в связи с ликвидацией отгонных пастбищ и интенсивной распашкой угодий... Надо было искать выход в такой организации дела, которая обеспечила бы дальнейший рост продуктивности овец, полнее отвечала современным требованиям, лучше удовлетворяла запросы людей с точки зрения условий труда и быта... Благодаря широкому использованию передового опыта краевой партийной организации удалось провести коренную перестройку крупнейшей отрасли сельского хозяйства края — овцеводства [Горбачев 1987, т. 1: 207—208].

По мнению В. Шмида, как только в текст вводится временное измерение, история становится диегетической, т. е. относящейся к предстоящему в повествовании миру, и перестает быть историей экзегетической, т. е. относящейся к акту повествования или описания, историей повествования, излагающей изменения в сознании нарратора [Шмид 2008: 20].

Так, на встрече с избирателями Ипатовского избирательного округа Ставропольского края в феврале 1984 г. М. С. Горбачев откровенно скажет: *Мне как председателю Комиссии законодательных предложений Совета Союза* ^[2] *хотелось бы сказать о совершенствовании законодательства. После утверждения Конституции СССР* ^[3] *Верховный совет СССР принял ряд важнейших общесоюзных законов. Они еще более упро-*

чивают нашу социалистическую государственность, способствуют повышению роли Советов, ярче выявляют глубокий демократизм и гуманность нашего строя. Так, всенародно обсужденный и одобренный Закон о трудовых коллективах^[4] расширил полномочия основных ячеек нашего общества в решении производственных, социальных и воспитательных задач. Подлинно демократическим характером, огромной заинтересованностью отличается и обсуждение проекта школьной реформы^[5], идущей по все стране [Горбачев 1987, т. 2: 7—8].

Полностью признавая оправданность оппозиции диегетического и недиегетического нарратора, о которой пишет В. Шмид, мы считаем, что в автопортрете политика присутствует именно диегетический нарратор — во всяком случае, в портретном аутомонологе. Одним из оснований для этого является, на наш взгляд, утверждение самого В. Шмида: «Решающим для описательного или нарративного характера текста является не количество содержащихся в нем статистических или динамических элементов, а их итоговая функция. Функциональность произведения может быть смешанной, в большинстве случаев доминирует та или иная основная функция» [Шмид 2008: 19].

Исходя из данной формулировки, мы получаем теоретическое право говорить об автопортретах политиков как о нарративах, поскольку их доминантной функцией, несомненно, является наррация как речевое действие, т. е. процесс повествования о событиях, пережитых самим нарратором, а не их описание.

Как это звучит в Выступлении на встрече с коллективом Днепропетровского металлургического завода в июне 1985 г.: *Встречи с трудящимися для партийного работника имеют огромное значение... В начале хотелось бы поделиться впечатлениями от знакомства с работой и жизнью вашего трудового коллектива. Скажу откровенно: у меня большое впечатление от бесед с трудящимися предприятия, от всего, что увидел, что узнал...* [Горбачев 1987, т. 2: 282].

Или в ответе на вопрос журналиста в Выступлении по французскому телевидению в сентябре 1985 г.: **Вопрос.** *Господин Горбачев. Вы, похоже, практикуете новый метод общения, новый метод руководства. Есть ли „стиль Горбачева“? Если да, то как бы Вы могли определить этот стиль?* **Ответ.** *Я думаю, нет „стиля Горбачева“. Я уже говорил об этом. Если говорить о методах нашей работы и, в частности, о стиле моей работы, то это не что-то такое, что появилось вчера, месяц, два, три*

назад. Я всю свою жизнь так работал. Стиль, который мы культивируем в своей партии, мы определяем как ленинский стиль работы. Для него характерны такие черты, как широкое общение с трудящимися, гласность в работе, изучение реальных процессов, лежащих в основе формирования политики. Это все то, чему учил Ленин нашу партию. Я — горячий сторонник именно такого подхода. Пример Ленина — лучший пример. Мы идем по пути Ленина [Горбачев 1987, т. 2: 446].

Разумеется, итоговую функцию нужно определять всякий раз индивидуально, но в целом сомневаться в доминирующем нарративном характере большинства текстов, собранных для политика или самим политиком о самом себе, нет оснований. Если попробовать определить характер наррации в автопортрете политического деятеля, то ее с полным правом можно квалифицировать как автобиографическую, поскольку нарратор рассказывает именно о себе — своей жизни.

Нам посильно ставить и решать большие задачи. Надо только в своем мышлении перестроиться и идти широким шагом вперед. (Аплодисменты.) Надо отказать от философии подражания. Не годится во всем идти по чужим следам, проторенными дорогами. Воспитывались мы на иных традициях и должны открывать новые перспективные направления... [Горбачев 1987, т. 3: 339].

Исторические и идеологические причины здесь понятны. Автобиографическая наррация порождается для массовой аудитории — адресата и воспринимается ею. Что касается 1980-х, то это та самая аудитория, которая восторженно ждала «перемен»^[6], приняв в эйфории «горбачевскую перестройку и гласность». Что вполне естественно, поскольку, теперь можно об этом говорить, индуцированные массовые психозы оправданы иерархической природой социума [Ефремов 2008].

В своих дальнейших рассуждениях я хотел бы взять за исходную очень глубокую ленинскую мысль, которая произвела на меня большое впечатление еще при первом чтении. С тех пор она, как одна из руководящих мыслей В. И. Ленина, определяет мои поступки и действия. Это положения я хочу напомнить, потому что оно может быть ключом к пониманию вопроса <...> Теперь мы имеем действительно научную, продуманную, я бы даже сказал, глубоко продуманную политическую линию — стратегию на ускорение социально-экономического развития страны [Горбачев 1987, т. 4: 86—87].

Мы живем с вами в переломное время.

Страна проходит в своем развитии очень важный этап. Происходит крутой поворот в жизни советского общества. И если все мы будем всегда помнить о важности нынешнего момента, о переломном его значении для наших судеб, для нашей страны, легче будет осознавать значение самой будничной работы, которую каждый из нас выполняет... [Горбачев 1987, т. 4: 88].

Диегетический нарратор очевидно фигурирует в двух планах — и в повествовании (как его субъект), и в рассказываемой истории (как объект).

В партии было ощущение необходимости перемен... Проблемы надо было решать... Я задумывался над этими проблемами, когда работал в Ставрополе... Это можно сказать о многих товарищах, которые работали в те годы на периферии... Мы видели реальные процессы, происходившие в обществе, чувствовали, что так дальше нельзя... Апрельский Пленум ЦК КПСС осуществил крупнейший прорыв в методах мышления, в подходах, в оценках. Но давайте сравним этот Пленум с недавним январским Пленумом. И мы увидим, как далеко мы продвинулись вперед... Это значит, что мы сами меняемся в ходе перестройки... [Горбачев 1988, т. 5: 56—57].

Когда говорят о популярности Горбачева (обратим внимание на с. 12, где приводится автохарактеристика Горбачева из его интервью. — В. Б.), речь идет, по-видимому, не о конкретном человеке, а о той политике, которую осуществляет советское руководство... [Горбачев 1988, т. 5: 58].

Встречи и беседы в эти дни с ленинградцами убеждают меня в том, что советские люди хорошо это понимают, готовы сделать все, чтобы задачи такого ответственного этапа перестройки, как бы они ни были сложны и трудны, как бы ни были новы, были успешно решены... [Горбачев 1988, т. 5: 354].

Верность приводимого выше утверждения о диегетическом нарраторе становится особенно наглядной, если обратиться к тому, как М. С. Горбачев рассказывает о событиях своей жизни в интервью корреспонденту «Известий КЦ КПСС» в мае 1989 г., выступая в роли повествующей инстанции в мире своего нарратива.

Корреспондент. Михаил Сергеевич, многие наши читатели обращаются к Вам с просьбой подробнее рассказать о себе, о Ваших родителях.

М. С. Горбачев. Должен признаться, что такие письма приходят и ко мне. Прежде всего, хочу сказать, что сейчас, в условиях гласности, о деятельности выс-

ших органов партии и государства, их руководителей рассказывается довольно-таки много — так, как это никогда еще не делалось. Выступления руководителей, их поездки по стране, встречи и беседы с трудящимися — все это уже прочно вошло в общественную жизнь. Благодаря этому советские люди — по крайней мере те из них, кто интересуется, — имеют возможность знакомиться с работой членов руководства страны, знать их позиции по тем или иным вопросам, судить об их политических, деловых и человеческих качествах [Горбачев 1990, т. 7: 497].

Это воспринимается адресатом в своей полноте как реальная жизнь. Вот пример из Выступления по советскому телевидению 14 декабря 1987 г.

Визит в США очень ясно показал, с каким вниманием весь мир следит за нашей перестройкой. Задают бесчисленное количество вопросов, самых разнообразных. Что такое перестройка? Есть ли ей сопротивление? Насколько решительно мы с вами настроены в пользу перестройки? Не остановимся ли мы на полпути? Принимает ли народ столь глубокое обновление советского общества?

Это действительно неподдельный, искренний интерес к тому, что происходит в советском обществе на путях перестройки. Он свидетельствует о признании роли нашей страны в современном мире. А для нас с вами это еще одно напоминание о том, что чем успешнее мы будем вести революционное дело перестройки, тем успешнее пойдут дела и на международной арене.

Такова сегодняшняя реальная ситуация, такова диалектика мирового развития, еще одно свидетельство взаимосвязанности и целостности современного мира при всем его разнообразии и противоречивости. Это мы с вами должны хорошо понимать, иметь в виду, когда решаем конкретные, практические задачи в любом городе, в любой деревне, в каждом трудовом коллективе и в целом в стране.

Позвольте высказать слова признательности советским людям за нарастающий вклад в перестройку, за ответ делом на призыв партии к революционному обновлению общества, за активное участие в начавшихся преобразованиях, за поддержку усилий Центрального Комитета и правительства в борьбе за утверждение мира. Без всего этого не было бы успеха на прошедших переговорах, да и сами они едва ли могли бы состояться [Горбачев 1988, т. 5: 555—556].

Будучи партийным активистом, М. С. Гор-

бачев, естественно, привык говорить достаточно откровенно (по тем временам), рассуждая о поворотах собственной судьбы, которую можно признать вполне удачной. Напомним вехи его биографии: в 1956 г. — первый секретарь Ставропольского горкома комсомола, затем с 1958 г. — второй и в 1961—1962 гг. — первый секретарь крайкома ВЛКСМ; в 1962 г. — парторг крайкома КПСС, делегат XXII съезда КПСС, в 1963 г. — заведующий отделом партийных органов Ставропольского крайкома КПСС, в 1966 г. — первый секретарь Ставропольского горкома КПСС.

Как и всем крестьянским детям, мне пришлось рано заняться хлеборобским трудом. С тринадцати лет я начал периодически работать в колхозе, а с пятнадцати — помощником комбайнера. В общей сложности в МТС проработал пять лет, совмещая учебу и труд в поле.

Атмосфера и весь уклад крестьянской семьи, с ранних лет совместный труд со старшими — все это, безусловно, не могло не повлиять на выработку характера, личной жизненной позиции. Школу я окончил успешно и в 1950 году поступил в Московский университет на юридический факультет [Горбачев 1990, т. 7: 498].

С другой стороны, адресат может и не посчитать нарратора «счастливым», идентифицируя его с собой: «он почти не бывает дома, так и остался всю жизнь „работягой“».

Корреспондент. *Михаил Сергеевич, в тех письмах, которые приходят в журнал, есть вопросы, связанные с Вашим личным временем. Как складывается Ваш рабочий день? Задаются также вопросы об условиях жизни и быта, зарплате, гонорах и т. п. Можете ли Вы ответить на эти вопросы?*

М. С. Горбачев. *Коль скоро такие вопросы интересуют читателей — надо отвечать. О режиме работы... Трудный вопрос. Мой режим труда определяется и временем, в котором мы живем, и теми задачами, которые решает сегодня общество, и, конечно, теми обязанностями, которые возложены на руководителей партии и государства. Практически, кроме тех нескольких часов, которые уходят на сон, отключаться от дел не удастся. Неважно — нахожусь ли я в данный момент в ЦК, или в Президиуме Верховного Совета, или дома. Да чего греха таить — и во время отпуска работа не отпускает [Горбачев 1990, т. 7: 498].*

Конечно, не всегда тексты М. С. Горбачева можно квалифицировать как автобиографическую наррацию. Например, когда он выступает

на сессии Верховного Совета, встречается с молодежью, выступает на приеме в честь советских спортсменов, отвечает на вопросы журналистов, это речь внутри событий, включенная автором в свой нарратив.

Не могу согласиться с тем, как порой говорят, что курс на обновление социализма связан персонально с именем Горбачева. Это противоречило бы истине. Формирование нового курса является выражением того, что в советском обществе и в советском народе существовало и существует широкое понимание необходимости перемен. Иными словами, не было бы Горбачева, был бы кто-нибудь другой. Наше общество созрело для перемен, и необходимость перемен пробилась себе дорогу. Эти перемены потребовали определенных кадровых перестановок. И это произошло и в ЦК партии, и в правительстве. К руководству пришли новые люди, которые и последние годы остро чувствовали ситуацию, формулировали идеи относительно того, что надо делать. После марта 1985 года обновилось высшее руководство партии, а на апрельском Пленуме ЦК был одобрен план действий. Еще раз хочу сказать, что это было не прозрение, не озарение, а понимание объективной необходимости перемен в нашем обществе, на основе чего и была сформулирована линия на обновление и ускорение развития общества [Горбачев 1988, т. 5: 57—58].

Надо заметить, что у диегетического нарратора собственно биографический событийный ряд, представленный в речевом повествовании, не так и велик. Особенно если судить по его ответам на вопросы корреспондента «Известий ЦК КПСС» в мае 1989 г., приводившимся выше:

Как и всем крестьянским детям, мне пришлось рано заняться хлеборобским трудом. С тринадцати лет я начал периодически работать в колхозе, а с пятнадцати — помощником комбайнера. В общей сложности в МТС проработал пять лет, совмещая учебу и труд в поле. Школу я окончил успешно и в 1950 году поступил в Московский университет на юридический факультет. Все пять лет учебы в университете занимался комсомольскими делами. Здесь же в 1952 году вступил в члены КПСС [Горбачев 1990, т. 7: 498]. Это — все, и именно в таком порядке. Добавим, реплику можно воспринимать как очевидное и нескрываемое свидетельство бедности представлений и узости кругозора. То же самое демонстрирует интервью журналу «Шпигель», данное в октябре 1988 г.

Р. Аугштайн. *Вопрос такой: кто сей-*

час возглавляет таблицу первенства Советского Союза по хоккею? — **М. С. Горбачев.** Я люблю хоккей больше всего за мужество, за темперамент. — **Р. Ауштайн.** Сами играли? — **М. С. Горбачев.** Нет. Я жил на юге. Когда появился хоккей, я забросил все другие спортивные интересы. Но теперь я не знаю, что там в хоккее происходит. — **Р. Ауштайн.** Тогда я бы хотел подарить Вам второй вопрос. Скажите нам, посещаете ли Вы театр? — **М. С. Горбачев.** Да, регулярно. — **Р. Ауштайн.** Какой особенно любимый театр? — **М. С. Горбачев.** Я посещаю многие театры, основательно знаком с достижениями нашего театра. Наш театр интересный. Не все одинаково масштабно, на одинаковом художественном уровне. Есть и просто слабые вещи. Но театр наш, как таковой, мне думается, перестроится и еще скажет свое слово. Думаю, что самый интересный для нас сейчас „театр“ — об этом я говорю на своих встречах с актерами, режиссерами — это сама перестройка. Вот настоящая драма, где идет столкновение характеров, острая борьба того, что отжило, с новым, идет ломка сознания. Вот о чем надо писать. Ничего нет сильнее, чем драма самой жизни [Горбачев 1990, т. 7: 55—56].

Безусловно, это проявление нарратора как скрытого субъекта повествования, который, впрочем, в нескольких местах и открыто выступает с дополняющей информацией или комментарием, используя композиционный прием, демонстрирующий открытость к диалогической коммуникации. И если первое воспринимается как органичная часть истории, то второе, очевидно, нарушает цельность документальной автобиографической наррации, привнося в нее элемент игры. Как, например, в беседе с корреспондентом газеты «Унита» 18 мая 1987 г.

Когда говорят о популярности Горбачева, речь идет, по-видимому, не о конкретном человеке, а о той политике, которую осуществляет советское руководство. Это политика, которую оно разработало и предложило советскому народу, обществу. В международной сфере это политика, которую советское руководство проводит на основе наших известных внешнеполитических концепций. В этом, по-видимому, основы авторитета советской политики. Если мы будем последовательны в ее осуществлении, как внутренней, так и внешней, авторитет сохранится и возрастет. Если нет, то никакой стиль, никакое личное обаяние нас не спасут. Мы трезво смотрим на такие вещи,

создаем, что именно это особенно важно. Кстати сказать — и не только для советского руководства. Не надо преувеличивать. Надо честно служить своему народу и делу социализма, идти той дорогой, которую ты однажды выбрал [Горбачев 1988, т. 5: 58].

Отметим также, что диегетического нарратора мы всегда видим в процессе жизни, занятого привычными для него делами.

Я всегда считал своей „слабостью“ интересоваться очень многим в различных областях. Не могу даже сказать, к каким дисциплинам был у меня особый интерес в школе, какие науки мне нравились больше, какие меньше. Я, например, поступил на юридический факультет, но сначала хотел на физический. Очень любил математику, но и историю, и литературу. До сих пор помню наизусть стихи, которые учил в школе [Горбачев 1988, т. 5: 60].

Если говорить об интересах, то в зрелые годы я больше интересовался вопросами экономики, читал и писал по этим вопросам. Можно сказать, что здесь я кое в чем разбираюсь. Но меня продолжают по-прежнему интересовать философские вопросы, а сейчас особенно. Кстати сказать, это сейчас помогает мне теоретически осмысливать тот этап развития советского общества, на котором мы находимся, проблемы современного мира, его взаимосвязи. Это дает возможность не на основе каких-то желаний, а на основе серьезного анализа и реалистичных выводов бороться за улучшение жизни советских людей [Горбачев 1988, т. 5: 61].

При этом в нарративной ситуации воспоминания о далеком прошлом — о событиях детства или юности — происходит определенное расслоение двуплановости нарратора, поскольку «повествующий голос» принадлежит человеку сегодняшнему, а объект повествования, рассказываемой истории, хоть и остается им самим, но установление их идентичности требует определенных усилий узнавания.

Все пять лет учебы в университете занимался комсомольскими делами. Здесь же в 1952 году вступил в члены КПСС. Я благодарен Московскому университету — и преподавателям, и партийной, комсомольской организациям, и моим товарищам по учебе (с многими из них я поддерживаю связь до сих пор) за науку, дружбу, товарищество. Это были неповторимые годы — годы, без которых просто невозможно представить, как сложилась бы моя дальнейшая судьба... После окончания университета работали на Ставрополье, на мо-

ей родине. Так получилось, что по специальности мне пришлось трудиться недолго. Вскоре рекомендовали на работу в комсомол. И с тех пор — на комсомольской и партийной работе. Много лет проработал в краевом комитете партии, в том числе почти девять лет — первым секретарем крайкома КПСС. Это тоже были значительные и важные годы в нашей жизни.

Поскольку приходилось очень много заниматься вопросами сельского хозяйства, то я заочно окончил еще и экономический факультет сельскохозяйственного института, что оказалось хорошим дополнением к моему юридическому образованию [Горбачев 1990, т. 7: 499].

Здесь следует сказать еще об одном общем моменте. Речь идет об интертекстуальности: М. С. Горбачев постоянно и сверхопыльно цитирует Ленина.

Могу сказать, что у нас в Советском Союзе наступила как бы „эпоха Возрождения“, возрождения творческого духа ленинизма. Мы перечитываем, переосмысливаем ленинские работы, чтобы глубоко понять ленинский метод. Понимание этого метода помогает нам в наших серьезных делах. Здесь цитирование не спасет. Ведь если мы не овладеем творческим методом Ленина, то не сможем дать анализ современности, выработать правильные решения.

Я, например, часто повторяю слова Ленина о том, что для того, чтобы понять мировое хозяйство, нужно 70 Марксов. Но это было сказано много десятилетий назад. А каково сейчас!

Ленин надеялся на своих последователей, которые будут преданы делу социализма, делу, которому он посвятил свою яркую жизнь. Он верил, что они будут творчески развивать его учение [Горбачев 1988, т. 5: 59].

По сути это принцип «цитатного» сюжетосложения. По мере приближения к нашим дням объем цитат растет. С точки зрения статистики показательны данные Предметного указателя к 1—7 томам Избранных речей и статей, если взять даже только такие пункты, как «Ленин», «ленинизм», «ленинский стиль партийной и государственной работы». Если в 1972 г. освоение наследия Ленина начиналось с ленинских лозунгов и упоминания Ленина в качестве прецедентного имени, то в 1988 г. уже наблюдается включение большого количества прямых цитат в текст выступления.

Из выступления на краевом слете отличников учебы вузов и техникумов: *Ваш слет проходит под девизом „Учиться, работать и бороться по Ленину“. Для совет-*

ских юношей и девушек, для всей прогрессивной молодежи мира имя Ленина, вся его жизнь — яркий пример беззаветного служения народу... [Горбачев 1987, т. 1: 60].

Из Речи на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1988 г.: *Напомню, что уже в первые, труднейшие послереволюционные годы В. И. Ленин считал строительство новой, советской школы одним из самых неотложных дел партии... Разрабатывая свой план, Ленин указывал: „...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм“. Но мы знаем, какие усилия пришлось приложить для этого партии. Свидетельство тому — дискуссии тех лет. Потребовался авторитет и гений Ленина, чтобы новый подход к социализму получил поддержку в партии и в стране... Богатство и гуманизм „старой“ культуры — а мы знаем, как высоко ценил ее Ленин, — стали крупнейшим вкладом в мировую цивилизацию. Именно на ней воспитывались люди, возглавившие нашу революцию. Иначе говоря, и сегодня не утратила значение ленинская постановка задачи — обогащать себя „знанием культуры, созданной всем развитием человечества...“. В этом — проявление реальной диалектики классового и общечеловеческого в нынешних конкретных условиях* [Горбачев 1989, т. 6: 70—71].

Как интертекст, цитаты влияют и на развитие рассказываемой истории, делая ее дискретной, и на эмоциональное восприятие адресатом: сложность жизненных ситуаций, драматичных коллизий, серьезных неудач как бы «снимается» цитатами, имплицитно свидетельствующими об успехе повествователя. Такие «нарезки» из цитат определяют в конечном итоге логику, которой в то же время характеризуется повествующее «я» автора. Диегетический нарратор демонстрирует себя в качестве конечной ответственной инстанции, всеведущей и вездесущей.

Из выступления на советском телевидении в декабре 1987 г.: *Добрый вечер, дорогие товарищи! Завершился визит в Соединенные Штаты Америки. Путь к нему был непростым: были Женева, Рейкьявик, интенсивный диалог между руководителями Советского Союза и Соединенных Штатов, напряженные дипломатические переговоры.*

Мы постоянно взаимодействовали со своими союзниками, происходил активный обмен мнениями с руководителями других государств. Мы особенно внимательно прислушивались к настроениям международной общественности, деятелей науки и культуры, представителей различных по-

литических течений, выступающих за мир. Все это обогащало наше представление о происходящих в мире процессах, придавало уверенность в том, что мы действуем в правильном направлении.

Таким образом, мы ехали в Вашингтон, имея мандат своего народа, своих союзников и учитывая настроения и чаяния миллионов людей доброй воли во всем мире.

Направляясь в США, мы очень основательно готовились, всесторонне взвешивали и не раз обсуждали в Политбюро принципиальную позицию, с которой будем там выступать, еще раз просчитали все с военно-технической точки зрения. Философско-политической основой этой подготовки были решения XXVII съезда нашей партии и провозглашенная 15 января 1986 года программа безъядерного мира.

Содержание и результаты визита известны. Мы подписали с Президентом США Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Достигнутое соглашение по этому вопросу — крупное событие в мировой политике, победа нового политического мышления [Горбачев 1988, т. 5: 552].

Автобиографический нарратив при этом оказывается цельным, не разорванным чужеродными ему элементами, так как есть полноценный диегетический нарратор, активно повествующий и, безусловно, являющийся субъектом повествования. Это подтверждают слова, прозвучавшие в ответах на вопросы газеты «Вашингтон пост» и журнала «Ньюсуик» 18 мая 1988 г.:

Р. Смит. Дело в том, что нам показалось, что многие из Ваших же горячих сторонников, людей, которые поддерживают перестройку, обеспокоены возможностью возникновения политического раскола. В газете „Советская культура“ было письмо, автор которого волновался: вот, мол, „соберется Пленум ЦК и сбросит М. С. Горбачева“ (я процитировал). И он предложил провести референдум по вопросу о Вашем руководстве, о Вашей политике, в котором приняли бы участие все. Хотел бы спросить Вас: слышали ли Вы об этом письме и что Вы думаете относительно идеи референдума?

М. С. Горбачев. Не только об этом письме слышал. (Смех.) Я в появлении таких фактов вижу только позитив. Значит, обществу небезразлично, кто в руководстве страны. Значит, у людей огромный интерес ко всему, что происходит. Наверное, в том, о чем вы говорите, — интересный символ, который тоже демонстрирует достижения перестройки: значит,

народ включился в политический процесс, хочет в нем участвовать, высказывает свои мнения, суждения. И это прекрасно. Это, может быть, пока самое главное, что принесла перестройка. Потому что в экономике, в социальной сфере еще предстоит много работы. И тут есть позитивные изменения. Но для того чтобы произошли крупные перемены, которые бы все общество основательно почувствовало, нужно время.

Что же касается упомянутых вами опасений, то ничего в партии и в обществе не происходит такого, что бы подтверждало их обоснованность.

И говорю в данном случае не о себе, я имею в виду вопрос в целом. Надо знать наш политический процесс, чтобы понять, что, если бы Генеральный секретарь не пользовался поддержкой своего ближайшего окружения, товарищей, которые работают рядом, ничего бы не произошло у нас после апреля. Все, что родилось в нашем обществе, в нашей партии, в Центральном Комитете, произошло с участием нынешнего руководства.

И еще. Перестройка уже выдвигает новых, интересных людей во всех сферах: и в политическом процессе, и в сфере экономики, и в духовной сфере. Развертывание демократии, ее углубление, думаю, будет все больше выдвигать на политическую арену новые, свежие силы, интересных людей. Смысл перестройки и в том, что она создает механизмы, которые будут регулировать, самонастраивать наше общество в рамках демократического процесса. А значит, будут включать в управление обществом и государством народ и, конечно, его лучшую часть, его интеллектуальную мощь, способных, талантливых его представителей на всех уровнях и во всех эшелонах.

Наше общество уже не будет таким, каким было. Оно меняется. Механизмы уже заработали в этом направлении. Много еще потребуется сделать. Но поезд пошел, и он набирает скорость [Горбачев 1989, т. 6: 247—248].

Заключение

Читая тексты М. С. Горбачева сегодня, мы понимаем, почему их адресат так восторженно их воспринимал в свое время. Дело в том, что все они воспроизводили континуальную традицию жанра социалистического романтического реализма, в которой воспитывался и формировался советский человек [Добренко 1977].

Разница на идейно-тематическом, ком-

позиционно-сюжетном и стилистическом уровнях разных текстов, относящихся к этому жанру, безусловно, есть, но однотипная, «формульная» задача — создание автобиографического нарратива — определяет главное: политический лидер, М. С. Горбачев, герой советской и постсоветской истории выступает в ней как диегетический нарратор. При этом автор, интенционально действующий в рамках данной повествовательной стратегии, обладает достаточной свободой в использовании различных способов наррации — с помощью интертекста, коллективного повествования и авторского текста. Это, на наш взгляд, подтверждает известное высказывание Вальтера Беньямина, сделанное еще в 1970-е гг.: «Искусство рассказа не вымирает, точно так же, как не вымирает героический эпос» [Беньямин 2000: 348].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Этот анекдот с точки зрения языковой игры воспринимался в 80-х гг. XX в. носителями русской лингвокультуры как минимум двупланово: с отрицательной коннотацией как пародия на произносительные особенности речи М. Горбачева, а также как аллюзивная отсылка к смежной политической персоналии — Менахему Бегину, урожденному Мечиславу Вольфовичу Бегуну из Брест-Литовска, видному политическому деятелю Израиля, премьер-министру Израиля с 1977 по 1983 г.

[2]. В 1979—1984 гг. М. С. Горбачев был председателем Комиссии законодательных предложений Совета Союза Верховного Совета СССР. Верховный Совет СССР — высший орган государственной власти в 1938—1989 гг., высший представительный и законодательный орган СССР.

[3]. Речь идет о Конституции СССР, принятой 7 октября 1977 г.; ее особенностью стало, помимо прочего, то, что легальными общественными организациями в стране были признаны

трудовые коллективы.

[4]. Речь идет о Законе СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» от 1983 г.

[5]. Речь идет об «Основных направлениях реформы общеобразовательной школы» (1983—1984 гг.), в рамках которых предлагалось введение 11-летней школы, упорядочение учебной нагрузки учащихся, снижение наполняемости классов, улучшение положения и повышение оплаты труда учителей.

[6]. «Хочу перемен!» — песня советской рок-группы «Кино» на слова Виктора Цоя. Широкая советская публика впервые услышала песню «Перемен!» в 1987 г., когда ее ранняя версия вошла в финальную сцену полнометражного фильма «АССА» режиссера Сергея Соловьева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беньямин В. Рассказчик // Озарения / В. Беньямин. — М.: Мартис, 2000. 376 с.
2. Борисенкова А. Н. Нарративный поворот и его проблемы // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 327—332.
3. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 1. — М.: Изд-во полит. литературы, 1987. 463 с.
4. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 2. — М.: Изд-во полит. литературы, 1987. 510 с.
5. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 3. — М.: Изд-во полит. литературы, 1987. 511 с.
6. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 4. — М.: Изд-во полит. литературы, 1987. 511 с.
7. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. — М.: Изд-во полит. литературы, 1988. 576 с.
8. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 6. — М.: Изд-во полит. литературы, 1989. 606 с.
9. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 7. — М.: Изд-во полит. литературы, 1990. 624 с.
10. Грачев А. С. Горбачев. — М.: Вагриус, 2001. 446 с.
11. Добренко Е. А. Формовка советского читателя. — СПб.: Академический проект, 1997. 320 с.
12. Ефремов В. С. Индуцированные бредовые расстройства и смежные с ними феномены. Историко-культуральный подход. — М.: Нестор-История, 2008. 584 с.
13. Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е). — М.: Новое литературное обозрение, 2015. 696 с.
14. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2008. 312 с.

Vladimir N. Bazylev
Moscow, Russia

NEW THINKING: STARTING AND TO DEEPENING (MIKHAIL GORBACHEV AS A DIEGETIC NARRATOR)

ABSTRACT. The article continues a series of psychopolitical analysis of Soviet-era politicians' profiles. The previous articles were devoted to Lazar Kaganovich and Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev and Erich Honnecker, etc. The paper derives from the feeling of unrest that the narrative turn in the study of the political linguistics has not happened yet, although the concept level (linguistically, rhetorically, and so on) has obvious potential for the research. The article is the first attempt to address within the research paradigm of political linguistics the self-profile of Mikhail Gorbachev, the last General Secretary of the Central Committee of the CPSU, the first and the only President of the USSR (1990-1991). The purpose of research is to show the strategy of reading and understanding an autobiography of a political leader as a communicative act, which authorizes his self-awareness and self-representation. The creation of an autobiographical narrative determines the main thing: the political leader acts as a diegetic narrator in the history of the country. The intentional actions, the narrative strategy and the intertextuality of politician's texts are analyzed. The intentional actions of speech policy in the framework of the narrative, the narrative strategies with the use of intertextuality, collective narrative and the author's text are studied as well. The research is carried out in the paradigm of modern narratology, which is interested in the text from the point of view of its fictionality (fiction) and factuality (reality), as well as the types of narrators. The material of the study is the narrative context that M. S. Gorbachev created around him since 1967.

KEYWORDS: politicians' autobiographies; autobiographic narrative; political leaders; political discourse; political linguistics; linguopersonology; language persona; political texts; "new thinking".

ABOUT THE AUTHOR: *Bazylev Vladimir Nikolayevich, Professor, Dr.habil. of Philology, The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Ben'yamin V. Rasskazchik // Ozareniya / V. Ben'yamin. — M. : Martis, 2000. 376 s.
2. Borisenkova A. N. Narrativnyy povорот i ego problemy // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 103. S. 327—332.
3. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 1. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1987. 463 s.
4. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 2. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1987. 510 s.
5. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 3. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1987. 511 s.
6. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 4. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1987. 511 s.
7. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 5. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1988. 576 s.
8. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 6. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1989. 606 s.
9. Gorbachev M. S. Izbrannye rechi i stat'i. T. 7. — M. : Izd-vo polit. literatury, 1990. 624 s.
10. Grachev A. S. Gorbachev. — M. : Vagrius, 2001. 446 s.
11. Dobrenko E. A. Formovka sovetskogo chitatelya. — SPb. : Akademicheskii proekt, 1997. 320 s.
12. Efremov V. S. Indutsirovannyye bredovyye rasstroystva i smezhnyye s nimi fenomeny. Istoriko-kul'tural'nyy podkhod. — M. : Nestor-Istoriya, 2008. 584 s.
13. Ostrova utopii. Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940—1980-e). — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 696 s.
14. Shmid V. Narratologiya. 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2008. 312 s.